

УДК 340.130

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)

ПРОБЛЕМА ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПРАВОВОЙ НОРМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОТРАСЛЯХ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

В четырех частях

Часть 3

Исследуются различные подходы к структуре правовой нормы с точки зрения деонтической логики. Анализируются двухэлементный и трехэлементный подходы к структуре правовой нормы на примере норм охранительного права. Акцентируется внимание на специфике структурных элементов норм международного права. Рассматривается антрополого-правовой подход к структуре правовой нормы.

Ключевые слова: гипотеза, диспозиция, норма права, санкция, структура, теория права, юридическая наука.

В юридической науке трехэлементную структуру нормы права обычно называют логической структурой (ее элементы в виде гипотезы, диспозиции и санкции выводятся логическим путем, так как могут содержаться в различных статьях (частях) нормативного правового акта (актов). Двухэлементная структура нормы права носит название реальной, которая обычно отождествляется с элементами статьи нормативного правового акта (нормативного предписания). Однако Н.Ф. Ковкель в исследовании «Логика и язык закона» на основе анализа логической природы правовых понятий закона и его правовых предписаний приходит к выводу о том, что трехэлементную структуру нормы права точнее именовать полной юридической структурой, а двухэлементную – неполной юридической структурой или структурой нормативного предписания [1, с. 77–78].

Дело в том, что большинство ученых отождествляют норму права с нормативным предписанием. Хотя с точки зрения деонтической логики норма права относится к категории логических норм, а нормативные предписания – к числу нормативных (деонтических) высказываний (определяются современной логикой как выражения, в которых что-либо разрешается, запрещается или указывается на обязательность осуществления либо не осуществления определенного действия), выступая формой выражения логических норм. При этом нормативные предписания образуются посредством использования деонтических модальностей. Дело в том, что деонтическая логика оперирует объективными деонтическими модальностями (модусами), две из которых – «обязательно» и «запрещено» – являются ее сильными модальностями, а модальность «разрешено» – слабой.

Так, с точки зрения деонтической логики подавляющее большинство нормативных предписаний, содержащихся в Конституции Республики Беларусь, Уголовном кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, всех процессуальных кодексах и ряде иных законов Республики Беларусь, сформулировано именно дескриптивным языком в виде повествовательных, констатирующих, а не побудительных нормативных предложений. Являясь нормативными высказываниями с деонтическими модальностями, эти предписания выражаются не прескриптивным языком в форме побудительных предложений, а дескриптивным языком в форме повествовательных предложений. При этом грамматическая

форма таких предписаний не адекватна их логической природе. Основной причиной неадекватного выражения нормативных предписаний закона в грамматических предложениях является стремление к законодательной экономии: краткому, компактному выражению содержания закона в его тексте. Предложения повествовательного характера чаще всего используются законодателем в тех случаях, когда необходимо в одном предписании выразить различные деонтические модальности, адресатами которых выступают различные субъекты права. Например, в предписании ч. 1 ст. 139 УК имплицитно выражены следующие деонтические модальности: запрет совершения убийства, адресованный всем субъектам уголовного права; обязывание и разрешение суду наказывать лиц, совершивших убийство, указанным в предписании способом; обязывание преступника претерпевать меры наказания, определенные судом [1, с. 87].

Наибольший интерес представляет строение нормы охранительного права. В рамках доктрины уголовного, административного, налогового и ряда других отраслей права не сформировалось однозначного представления о структуре правовой нормы. При этом в научной литературе довольно часто имеют место противоречивые суждения. Согласно двухэлементному подходу в структуре уголовно-правовой нормы выделяют только два ее элемента: (гипотезу и санкцию) или (диспозицию и санкцию). При этом под диспозицией понимается часть нормы, в которой содержится указание на конкретное деяние, признаваемое преступлением. Представители трехэлементной структуры нормы права подходят к этому критически, так как полагают, что их оппоненты учитывают нормативные положения только Особенной части УК, отождествляя структуру нормы права со статьей нормативного правового акта. Так, сторонники трехэлементной структуры уголовно-правовой нормы утверждают, что уголовно-правовые нормы Особенной части УК, как и в целом правовые нормы, содержат три элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию. Однако в статьях Особенной части УК (частях статей) в соответствии с приемами законодательной техники выделяются только две части: диспозиция и санкция. В диспозиции фактически в свернутом виде законодатель включает как гипотезу, так и диспозицию уголовно-правовой нормы.

Аналогичные рассуждения можно встретить при исследовании структурных элементов заещающих норм административного права. Тем не менее ни один из подходов не стал господствующим в правоведении.

Проанализированные нами подходы к структуре нормы права характерны для романо-германской правовой семьи, где основным источником (формой) права признается нормативный правовой акт. Свои особенности имеет структура нормы права в англосаксонской правовой семье, где, как известно, основным источником (формой) права выступает юридический прецедент. Специфика англосаксонской правовой семьи состоит в том, что нормы общего права обуславливаются в первую очередь ее неписаной формой. Неписанный характер общего права заключается в том, что его нормы, как правило, лишь подразумеваются в судебных решениях, а не изложены в них прямо. По этой причине в юридической и судебной практике США, работах теоретического плана сам термин «правовая норма» редко применяется в отношении судебных решений. Значительно чаще юриспруденция прибегает к использованию или самого термина «прецедент», который привязывается к индивидуальному решению, его установившему, или понятия «судебная доктрина», которое связывается обычно с целой серией однотипных судебных решений. В этой связи сама норма общего права в значительной степени отличается от нормы права в романо-германской правовой семье, а структурные элементы (гипотеза, диспозиция, санкция) норм общего права, выведенных из отдельного судебного казуса, настолько расплывчаты, что не только не поддаются описанию, но нередко являются просто «неуловимыми» [2, с. 91–92].

Дискуссионным является вопрос о структуре норм международного права, которое обладает определенной спецификой по сравнению с внутригосударственным правом. Утверждается, что такие нормы состоят из двух частей. Первая называется объемом коллизионной нормы. В ней говорится о соответствующем правоотношении, к которому она применима. Вторая носит условное название коллизионной привязки. Привязка – это указание на закон (правовую систему), который подлежит применению к данному виду отношений [3, с. 83].

Тем не менее для норм международного права также может быть применима трехэлементная структура норм права, так как в статьях международных договоров явно выражены гипотеза и диспозиция. Что касается санкции, то следует учитывать, что, с одной стороны, большая часть норм международного права носит рекомендательный характер, в силу чего в них отсутствует

санкция, с другой – содержащиеся в международном праве общепризнанные принципы и иные обязательные нормы права носят императивный характер, предусматривая негативные последствия за их нарушение. Но отсутствие четких санкций не означает отсутствия санкций вообще: подобное утверждение, по мнению Е.А. Петровой, лишило бы международное право какой-либо юридической силы. Большинство норм современного международного права имеет письменную форму и договорный характер. В статьях международных договоров чаще всего явно выражены лишь гипотеза и диспозиция. Однако, исходя из общепризнанного принципа международного права « *Pacta sunt servanda*», любое нарушение государством взятых на себя международных обязательств должно повлечь за собой международно-правовую ответственность. В этой связи санкции в международно-правовых нормах в любом случае подразумеваются и могут содержаться в специальных международных договорах [2, с. 94].

Отыскание всех структурных элементов правовой нормы необходимо для правильного понимания мысли законодателя, выраженной в норме права с помощью языковых средств. Установление точного смысла правовой нормы, который не совпадает с ее языковым (текстуальным) выражением, осуществляется в процессе толкования. Для решения этой задачи необходимо использовать достижения юридической лингвистики. Так, с точки зрения языкового анализа нормы права интерес представляет работа Ю.А. Гавриловой «Толкование права по объему» (2008 г.). По утверждению автора диссертации, для корректного толкования нормы права необходимо введение в понятийный аппарат юриспруденции понятия смыслового поля правовой нормы и концепта. В положениях, выносимых на защиту, исследователь приводит следующие дефиниции: «Смысловое поле – это мера распространения смысла и пределов действия правовой нормы. Оно характеризуется сложной структурой, включающей в себя смысловое ядро и смысловую периферию. Каждый из данных элементов объединяет определенные слои смыслового поля и оттенки смысла. Смысловое ядро – это первооснова, содержательная доминанта правовой нормы. Ядро представляет собой определенный концепт (ценность), получивший идейное обоснование и нормативно-понятийное закрепление в логической структуре правовой нормы. Оно включает в себя инвариантный слой (концепт и идею) и нормативно-понятийный слой (гипотеза, диспозиция и санкция). Смысловая периферия – это «подвижная» часть смысла правовой нормы, в которой раскрываются, дополнительные оттенки этого смысла в виде предметного, праксеологического (слоя актуализированной юридической практики), оценочного и символично-ассоциативного слоев» [4, с. 11].

Продолжая обозначенную мысль, В.И. Павлов полагает, что если толкование нормы требует выявления таких сложных элементов, как смысловое поле, ядро, периферия, значит теоретическая работа по созданию нормы права должна определять эти правовые образования, причем носящие не субстанциальный, а антрополого-правовой, идейно-смысловой характер и неизменно связанные с моделью человека в праве и с его деятельностью. В этой связи, по мнению ученого, структура нормы права должна содержать помимо элементного логического строения нормы права еще и иной тип представления, обусловленный ее антропологическим смыслом. Таким смыслом выступает понимание нормы права в едином цельном антрополого-текстуальном значении; выделении знаково-текстуального (документарное знаковое выражение правила поведения в нормативном правовом акте либо ином источнике права) и смыслового значения (актуализация знакового выражения нормы права субъектом понимания, осуществляемая на уровне правового существования исходя из личностных свойств субъекта) нормы права. Собственно, это и есть конструкция нормы права в энергично-правовом дискурсе, дискурсе антрополого-правовом. Следовательно, в юридическом смыслообразовании участвует правовой смысл, не только проектно представленный в тексте нормативного правового акта, но и рождающийся на уровне конкретного правового существования лица, эту норму реализующего [5, с. 159–160].

Рассмотрение структуры нормы права в таком онтологическом контексте характерно для антропологического подхода. В этом состоит отличие подходов, применяемых в основном для классических типов правопонимания в рамках логической структуры нормы права. Такие подходы к структуре нормы права были сформированы в различных правовых традициях и применяются для национального и международного законодательства. Однако при этом содержанием классического юридического дискурса выступает нормативный порядок, как правило, исключая

ющий антропологическое содержание юридической деятельности. В результате этого игнорируются личностные юридически значимые ценности в праве, а многие современные проблемы современного правоведения, в том числе определения структуры нормы права, уже не могут быть разрешены в рамках классических подходов. Все более очевидно, что «идеальная модель» правового регулирования не может быть реализована явлениями только юридического характера (реализация норм права, юридическая ответственность, принципы права, юридические факты, механизм принуждения и др.). Кроме того, в последнее время все больше подвергается критике юридический детерминизм, согласно которому все проблемы можно решить, опираясь лишь на арсенал юридических методов и средств.

В этой связи антропологическое правопонимание как направление неклассической юридической науки претендует на переосмысление человека в праве и структуры нормы права как элементов правовой реальности. В антропологическом подходе к праву последнее выявляется в ситуации встречи человека в праве с нормой права и фактом правовой жизни – именно в этой точке осуществляется измерение нормативности права в контексте его человекомерности. Для антропологии права именно человекомерность, факт правового существования является ключевым критерием измерения, поскольку право ценно не столько своей абстрактной сущностью, сколько качеством обеспечения правового бытия как конкретного правового существования человека в правовой действительности [6, с. 325–375].

При таком подходе структуру нормы права следует рассматривать не только как классический коррелят ее традиционных структурных элементов (гипотеза, диспозиция, санкция), т. е. представлять ее не только структурно-логически, но и структурно-онтологически, как юридический знак, призванный указывать на два элемента: правовой смысл (смысловое значение) и объект правового регулирования (предметное значение). При этом акцент делается на онтологической структуре нормы права, которая отражает способ ее существования и реализации в правовой действительности.

Если объект правового регулирования, или предметное содержание нормы права как юридического знака (знаковой части нормы права), всегда более или менее определен в виде собственного нормативного регулирования как указания на способ динамики правовых отношений, направление разворачивания регламентируемой юридически значимой жизненной ситуации, то правовой смысл нормы как юридического знака требует интерпретационной работы, поскольку смысловое значение знака – это то, что понимает под ним пользователь данного знака. При этом правовой смысл в таком значении выступает, как мысленное содержание юридического (нормативного правового) тела (знака), или определенной письменно зафиксированной формы (статья, глава, раздел нормативного правового акта), правила поведения, которое выражается и усваивается только в процессе актуального понимания (герменевтики) правового знака через придание ему субъектом определенного значения.

В дальнейшем такой правовой смысл в таком контексте в сочетании с опытом реализации нормативных положений образует правоприменительную практику, в рамках которой появляются самостоятельные правовые смыслы как результат приложения норм права к жизненным ситуациям. И здесь важно отметить, что эти правовые смыслы создаются конкретными практиками-правоприменителями – судьями, прокурорами, следователями [7, с. 558].

Окончание следует

Список использованных источников

1. Ковкель, Н.Ф. Логика и язык закона / Н.Ф. Ковкель. – Минск : Право и экономика, 2009. – 299 с.
2. Петрова, Е.А. Основные подходы к структуре нормы права в различных правовых традициях / Е.А. Петрова // *Lex russica*. – 2015. – № 1. – С. 84–95.
3. Богуславский, М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 416 с.
4. Гаврилова, Ю.А. Толкование по объему : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.А. Гаврилова ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – 30 с.
5. Павлов, В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В.И. Павлов. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 262 с.

6. Павлов, В.И. Антропологическая концепция права / В.И. Павлов // Постклассическая онтология права : монография / под общ. ред. И.Л. Честнова. – СПб. : Алетей, 2016. – 688 с.

7. Павлов, В.И. Судебное правотворчество в контексте теории интерпретации и антропологической концепции права : в 2 ч. / В.И. Павлов, Н.М. Дубрава // Юрид. техника. – 2014. – № 8. – Ч. 2. – С. 553–560.

Дата поступления в редакцию: 22.10.19

A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PROBLEM OF ELEMENTAL COMPOSITION OF LEGAL NORMS IN THE THEORETICAL LEGAL SCIENCE AND BRANCHES OF BELARUSIAN RIGHT (PART 3)

The article examines different approaches to the structure of the legal norm from the point of view of deontic logic. The analysis of the two-element and three-element approach to the structure of the legal norm on the example of the rules of protective law is given. Attention is drawn to the specifics of the structural elements of international law. The anthropological and legal approach to the structure of the legal norm is analyzed.

Keywords: hypothesis, disposition, norms of law, sanction, structure, theory of law, legal science.

УДК 343.8

*Н.В. Куйко, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: avant_n@mail.ru)*

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ КАК ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы становления и развития современной уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь с момента распада СССР до настоящего времени. Проанализированы проблемы, сформировавшиеся после образования СНГ, и пути их решения. Характеризуются организационно-управленческие преобразования в пенитенциарной системе Беларуси, отражаются ключевые достижения и результаты ее функционирования с момента провозглашения независимости страны. Определена роль уголовно-исполнительной системы в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь.

Ключевые слова: наказание, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительный кодекс, Департамент исполнения наказаний, лишение свободы, исправительные учреждения, лечебно-трудовые профилактории, заключение под стражу.

Структурным элементом национальной безопасности Республики Беларусь выступает социальная безопасность, под которой понимается состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан, духовно-нравственных ценностей общества от внутренних и внешних угроз.

Важное место в системе гарантий социальной безопасности Беларуси принадлежит деятельности по обеспечению общественной безопасности и безопасности жизнедеятельности населения, снижению уровня преступности и криминализации общества, предупреждению и борьбе с преступностью. Исполнение наказания – одна из составляющих борьбы с преступностью, следовательно, уголовно-исполнительная система выступает одним из средств обеспечения национальной безопасности республики.

С обретением независимости для Беларуси начинается новый этап в развитии государства, одной из характерных особенностей которого стало укрепление правовой основы государственной и общественной жизни (ст. 59 Конституции). Прекращение существования СССР всесторонне повлияло на функционирование общества и государства; не стала исключением и сфера исполнения наказаний. В рассматриваемый период политика государства в области борьбы с преступностью подверглась существенным преобразованиям. Основное ее содержание в применении правовых средств заключалось в дальнейшей дифференциации назначения и испол-